



Журнал «Рец»

№ 54

декабрь 2008

Выпускающий редактор:
Павел Гольдин

Содержание

Линор Горалик – Андрей Поляков	4 / 9
Наталья Горбаневская – Борис Херсонский	15 / 22
Мария Ульянова – Герман Лукомников	29 / 31
Марина Хаген – Павел Гуменюк	35 / 37
Данил Файзов – Игорь Белов	39 / 42
Анна Глазова – Ника Скандиака	47 / 50
Арсений Ровинский – Станислав Львовский	56 / 58
Чарльз Симик	
<i>в переводах О. Зондберг, Р. Шустеровича,</i>	
<i>Д. Кузьмина, С. Львовского</i>	<i>63</i>
<i>Об авторах</i>	<i>74</i>

©2008

Выпускающий редактор: Павел Гольдин

Верстка: Ирина Максимова

Координатор проекта: Павел Настин

Все права принадлежат авторам опубликованных материалов

Все материалы опубликованы с личного согласия авторов

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается первый за два года номер журнала «Рец», не имеющий определенной тематики. В «нетематической» серии журнала планируются публикации всех видов литературы (стихов, прозы разных форм, драматургии, произведений «смешанной техники» с элементами живописи и графики и др.).

Авторские подборки собраны в символические пары, восходящие к плутарховским «Сравнительным жизнеописаниям». Тексты в каждой паре принадлежат к сходным традициям, но различаются неким важным признаком, или, напротив, принадлежат к совершенно разным традициям, но обладают неким важным общим признаком.

В разделе переводов – стихи американского поэта Чарльза Симика.

Павел Гольдин



**Линор
Горалик**



**Андрей
Поляков**

На отмену концепции чистилища римско-католической церковью

Нет разницы, нет разницы, Аленка.
Твои мертвы, мои убиты горем,
тебе не больно, мне невыносимо,
тебе двенадцать, мне чуть больше трех, –
но вот мы делим яблоко одно
на этой двухминутной переменке, –
сплошной огрызок, твердое, как камень,
но слаще заказных наивных месс
(твои католики, мои придурки).
Последний день, но нам с тобой плевать,
хотя, казалось, мы должны молиться,
гадать, дрожать, подсчитывать грехи,
сдыхать и воскресать от слуха к слуху
о том, кого куда переведут, –
но мы с тобой ушли на подоконник, –
ты ерзаешь, я потною ладошкой
держу тебя за серый воротник,
стараясь не упасть с твоих коленок,
и мы мусолим нашу сигарету,
и я пускаю дым тебе за ухо,
во вмятину, оставленную балкой.
Когда ты в них стреляла, в маму с папой, –
Когда потом взошла на подоконник, –
Когда я шла, куда мне не велели, –
Когда Алеша шел гулять без шарфа, –
Когда Джером бросался под колеса, –
Когда Наташа бабушке хамила, –
Когда Асим взрывал тяжелый пояс, –
Когда Эжен шел к братику с подушкой, –
Когда Илья пошел за этим типом, –
Когда Элен играла зажигалкой, –
Когда Варфоломей поймал котенка, –
нам всем тогда черемухой запахло:
Эжену, Тане, мне, Варфоломею,
Ирине, Аде, и, представь, Илье,
которого тот тип как раз в кустах,
как раз черемухи, – но даже он
сквозь кровь и тряпки смог учуять запах.
Такая, видишь, выдалась минута.
Такой момент в истории черемух.



**Линор
Горалик**



**Андрей
Поляков**

КОТ

Я хотел сразу идти искать кота, но мама сказала поужинать. У меня были две красных карточки и одна зеленая, поэтому мне пришлось есть мясо, и завтра тоже придется, но зато после чая я взял себе кусочек шоколада, положил его в рот и стал сосать. Я спросил, можно ли я пойду искать кота. Мама меня отпустила, и я пошел искать кота.

Я пошел сначала вокруг дома. Звать кота бесполезно, кот не собака. Я взял с собой его миску с сухим кормом и стал ей шуршать, потому что на этот звук кот всегда приходил. Так я искал его в доме перед ужином, но он не пришел. Я начал обходить дом и встряхивал миску. Кот не появлялся, зато я увидел старуху Аварию. Старуха Авария сидела на заднем дворе на качелях и дергала себя за пальцы. Она выходит очень рано и садится на качели, наверное, чтобы никто не мог качаться, и сидит, пока всех не позовут ужинать. Сама она редко качается. Обычно она просто закручивает цепи вправо или влево, так сильно, что ей приходится пригибаться, а потом поджимает коротенькие ноги, чтобы цепи быстро-быстро раскручивались. Старуха Авария весь день сидит на заднем дворе, крутится на качелях и дергает себя за пальцы, чтобы заставить их трещать.

Я не увидел кота, но старуха Авария увидела меня и начала кричать, чтобы я не прикармливал бродячих кошек. Она сказала, что эти кошки нападут на меня ночью и перегрызут глотку. Я вежливо сказал, что не прикармливаю бродячих кошек, а ищу своего кота. Тогда старуха Авария дернула себя за палец и сказала, что она надеется, что этот говнюк отправился прямиком в ад.

Это показалось мне очень даже возможным. Мой кот действительно настоящий говнюк. Если бы я не сказал себе, что поведение кота будет входить в мои карточки за поведение, мама бы давно его выгнала. Он все крушит, когда раз в день вдруг начинает бешено носиться по дому. Он дерет обои. Иногда он кричит часами напролет – назло или просто так, потому что ему это нравится. Он ест со стола, нельзя даже отвернуться. Он так порвал Алисе руку, что ей накладывали швы, и все это оплатила моя мама. Из-за кота у меня всегда есть красные карточки за поведение. Мне самому приходится быть очень дисциплинированным и хорошим именно из-за кота. Кот идет мне на пользу.

Пока я ходил и тряс миской, я думал, надо ли мне взять красную карточку за то, что кот сбежал из дома. Если я решу, что да, то у меня будет уже три карточки за неделю, и я не пойду завтра в «Мегу» на каток. Я даю себе карточки за кота, потому что я сам виноват, что он такой говнюк. Когда я попросил котенка, я обещал, что буду его воспитывать. Не буду давать ему есть со стола, или драть диван, или кусаться. Но когда кот плохо себя вел, мне совсем не хотелось его воспитывать. Мне нравилось, что он делает все, что в голову взбредет. Например, кричит и кричит, или крушит все вокруг, когда ему хочется. Я решил, что буду давать себе карточки за кота. С тех пор уже год у меня всегда есть красные карточки, и я себя наказываю. Это нелегко, но зато кот мне нравится. Думаю, он мне благодарен.

Так что когда старуха Авария сказала, что мой кот наверняка отправился прямо в ад, я подумал, что это очень даже может быть. Я еще немножко походил и потряс миской, но кот,



**Линор
Горалик**



**Андрей
Поляков**

конечно, не появился. Я пошел в дом и взял красную карточку, потом подумал и взял еще две за то, что сейчас придется сделать. Я спрятал их подальше, потому что мама очень расстраивается, когда видит, что я даю себе красные карточки. Потом я открыл кладовку в коридоре и взял лопату, и опять пошел на задний двор. Мама смотрела телевизор, а я говорил, что пойду искать кота, так что я как бы и не возвращался.

Старуха Авария уже ушла, было совсем темно, но я пошел, поднимая ноги повыше, чтобы не споткнуться, и дошел до песочницы. Тогда я начал копать. Сначала я все время попадал на себя песком, но потом приналадился. Я очень сильный, я легко поднимаю маму, когда ей надо достать что-нибудь из верхнего шкафа, а мама у меня не маленькая. Но все равно копать оказалось тяжело, особенно когда под песком началась земля. Я копал, наверное, часа два, пока лопата не стала протыкать землю насквозь. Из-под земли тянуло жаром, но не так сильно, как я боялся. Я лег и посмотрел вниз. Было ничего не видно, но мне показалось, что прыгать невысоко. Тогда я пошел в дом, опять взял миску с кормом, вернулся, расковырял дырку пошире (я очень большой, так что это заняло немало времени), пересыпал корм в карманы и спрыгнул вниз.

Здесь было не так уж жарко, зато совсем темно. Я пощупал вокруг и нашел какую-то стенку. Тогда я пересыпал весь корм обратно в миску и пошел, одной рукой держась за стенку, а другой встряхивая миску. Кот не собака, звать его глупо, но мне хотелось побыстрее вернуться обратно, и я позвал кота пару раз. Стенка была длинной и иногда изгибалась. Я по ней вышел на освещенное пустое место, вроде лестничной площадки, но без лестницы. Передо мной была какая-то дверь, я ее толкнул и вошел. Вот там и правда была адская жара и пламя слепило, и мне стало дико страшно. Я закрыл глаза руками и закричал, я очень пожалел, что сюда полез. Рядом тоже закричали, я понял, что мы все погибли, и закричал еще сильнее. На меня кто-то набросился сзади, я начал отбиваться, мне удалось скинуть с себя это существо. Я очень большой и сильный. Когда люди видят, что я совсем седой, они думают, что от меня легко убежать, особенно дети. Но я гораздо сильнее, чем им кажется. Поэтому мне удалось скинуть того, кто напал на меня сзади, и я с закрытыми глазами начал изо всех сил махать руками и ногами. Вокруг вопили. От ужаса я забыл про пламя, подошел к нему слишком близко и попал в него рукой. Боль была такая, что я упал на пол и завизжал. Кто-то начал лупить меня по больной руке, я визжал и бил их ногами, но те, кто меня лупил, стали орать на меня матом и я понял, что загорелся, а они хотят меня потушить. Тогда я замер, и они потушили мой рукав.

Они требовали, чтобы я открыл глаза, но я отказался и сначала разговаривал с ними с закрытыми глазами. Я объяснил им, что пришел за котом, что кот не виноват, а виноват я. Я плохо воспитывал кота. Я рассказал им, что за последний год я взял за кота почти двести карточек и поэтому уже год не был в кино. Я сказал, что несу ответственность за кота, не так ли? Иначе бы я не брал за него карточки. И что если они отпустят кота, я заберу его наверх и перевоспитаю его как следует. А когда я умру, пусть они забирают меня. А когда кот умрет в следующий раз, он попадет в какое-нибудь хорошее место.

Тогда они начали смеяться. Меня это страшно разозлило, я даже открыл глаза. Я боялся,



**Линор
Горалик**



**Андрей
Поляков**

что у меня начнется «это»: когда я от ярости слепну и начинаю все крушить. Последний раз так было, когда мама повезла меня в метро к врачу, и у меня попробовали вырвать из рук мой плеер. Я уже седой, и им кажется, что это легко, но у меня застелило глаза от ярости, и я чуть не убил одного из них. Я убежал от милиции и дома взял себе десять красных карточек. Я боялся, что и сейчас такое начнется, – я не выношу, когда надо мной смеются. Но мне надо было забрать кота, и я сдержался и открыл глаза. У меня очень болела рука, и я не хотел, чтобы мне сделали еще больнее.

Пока я дрался с закрытыми глазами, мне казалось, что здесь сто человек, но их было всего двое. Они были очень грязные и небольшие, в некрасивых толстых куртках. Я удивился, что вокруг нет огня, но оказалось, что огонь горит за стеклянной заслонкой в огромной круглой штуке. Наверное, заслонка была открыта, когда я попал в огонь рукой. Эти два человека заставили меня повторить про кота. Я повторил, что это моя ответственность. Тогда они спросили, как я сюда попал, и я рассказал им, что выкопал яму в песочнице, сходил за миской и потом спрыгнул в ад. Тогда они пошли со мной туда, где я спрыгнул, и долго смотрели в дыру, из дыры были очень хорошо видны звезды. Я спросил, могу ли я забрать кота. Тогда они сказали, что кота здесь нет. Мне очень полегчало, что кот не попал в ад. Я сказал им, что они должны меня отпустить, потому что до конца месяца еще четыре дня. Я успею отработать свои красные карточки, а значит, у меня не будет грехов, за которые я должен попасть в ад. Я честно спустился забрать кота, и они не имеют права меня тут оставить. Я попросил их меня посадить, чтобы я вылез наружу. Я начал думать, что кот сбежал навсегда, раз он не попал в ад и не пришел за своей миской.

Они сказали, чтобы я шел за ними, они покажут мне выход. Я не знал, доверять им или нет, но они оба были гораздо меньше меня, хоть и моложе, а у одного из носа сильно шла кровь, потому что я его ударил. Я подумал, что справлюсь с ними, если что. Мне стало не так уж и страшно, хотя все еще очень страшно. Я подумал, что, когда вернусь из ада на землю, я расскажу старухе Аварии, что в аду можно выдержать. Иногда мы с ней очень даже понимали друг друга.

Я пошел за этими людьми вдоль каких-то труб и кранов и котлов. Там было ужасно жарко, но на поворотах вдруг откуда-то начинало дуть холодным. И там было очень темно. От страха мне хотелось побежать бегом, но я не хотел их злить. Мы поднялись по какой-то лестнице в маленькую грязную кладовку. Они открыли ключом дверь и выпустили меня из ада наружу, и сами вышли за мной. Я не сразу понял, где мы. Это был задний двор, только не моего дома, а двадцатого.

Они сказали, чтобы я сдуру не начал закапывать дыру в песочнице и сыпать на них песок. Тогда я вдруг вспомнил, что оставил в аду миску. Я сказал, что мне нужна миска, иначе мне будет нечем шуршать, а мне надо идти искать кота. Они ругались, но один из них пошел обратно в ад и принес мне миску с остатками корма. Я сказал: «Спасибо». Они посмотрели на меня и вернулись в ад. На холодном воздухе моя рука стала болеть меньше, хотя все равно болела очень сильно. Я старался ею не двигать. Я пошел обходить с миской этот двор, шуршать и звать кота, как если бы он был собакой, потому что у меня уже не было сил.



**Линор
Горалик**



**Андрей
Поляков**

Когда кот прибежал и стал орать и прыгать, чтобы достать до миски, у меня уже настолько не было сил, что я просто сел на землю и поставил перед ним миску. Он доел остатки корма и побежал за мной домой. Я высоко поднимал ноги, чтобы не споткнуться в темноте, а кот перепрыгивал все преграды. Так мы пришли домой.

Я открыл дверь своим ключом, он висел у меня на шее на оранжевой пластмассовой пружинке, которую было приятно наматывать на палец и отпускать. Кот прошмыгнул внутрь и даже не стал орать, а просто запрыгнул на ящик для обуви и заснул. Я не понимаю часы, но уже было точно очень поздно. Я позвал маму, но она, наверное, спала. Я пошел к себе в комнату и взял себе зеленую карточку, которую заслужил. Я почему-то начал дрожать. В аду действительно оказалось невыносимо страшно. Я не смог бы даже объяснить, чем. Я думал, что там все иначе, куда хуже, но оказалось, что там все еще хуже, чем я думал. Я пошел в комнату к маме. Я прихожу спать в ее комнату на ковер, если мне плохо или страшно, или я просто думаю о чем-то, от чего не могу заснуть. Мама говорит, чтобы я ее будил и рассказывал, почему мне плохо или страшно, или о чем я думаю, и только потом ложился спать. Но сегодня я устал так сильно, что передумал будить маму и сразу лег на ковер. Я решил, что пожалуй маме завтра.



**Андрей
Поляков**



**Линор
Горалик**

ИЗ ЦИКЛА «Бормочет нетрезвый Орфей:»

Если снился сегодня к тебе Ориген
в золочено-тяжелых (подумал я) ризах
с панагией зачем-то приснился к тебе –
значит, ты не получишь летейскую визу
(и сидит мотылек у тебя на губе)
значит, час пробужденья, как родина, близок –

и блестит мотылек для тебя на губе

Стена, сквозь которую
нельзя обнять
а можно –
только ударить
Суббота
во всем:
спал 19 часов

Научился молиться в видениях сна
потому что –
там тише...

Сном казался сегодня тебе Ориген
в золочено-тяжелых
(подумал во сне)
ризах
с панагией
(зачем-то)

Сном казался
какой-то храм
на верхних этажах
в здании
которое строится
(которое превращается в руины?)



**Андрей
Поляков**



**Линор
Горалик**

И подумал во сне:
 то ли тело –
действительно, храм
 то ли тело –
лишается тепла
а душа –
растекается по квартире

(даже сахар –
 сегодня горчил
даже хлеб –
 был воистину мокрым)

 пока я не сплю
 пока я хожу, охлаждаясь
по линолеуму
 на полу

Я не в силах проснуться тобой
но, куда ты спишь из меня –
 плотность воздуха увеличивается
 пропорционально
 разрежению
твоего
тела

(даже тело –
 сегодня дрожит
даже книги –
 как звезды, мигают:
а когда-то в одной прочитал
что стишки
 разрушают
 пойманные ими объекты
и путем разрушения
возвращают их
 к неуловимой текучести
 существования
поэта)



**Андрей
Поляков**



**Линор
Горалик**

и скоро
очень скоро
 сквозь чистую ладонь
(прозрачно голубую)
ты будешь внятно видеть
 (сквозь зыбкую ладонь)
твердое слоистое вещество
 которое
вдыхаешь¹

От дивана
 (представил)
до книжного шкафа –
 дальше, чем до Эфеса
который
уже не Эфес –
 а в здании
 во сне
на верхних этажах
какой-то храм...

Надо было взбираться
 (невидимое яблоко на сердце
 прокуренным дыханием держа)
по приставной лестнице
(Мандельштам?)
со двора, где сушилось большое белье до земли
 (шевелилось лениво белье облаками
 надувалось округло крутыми боками
словно ангелов женского пола
заменяло собою белье)

¹ Раньше
(лет семь назад)

ты был
поэтом классовым
а теперь ты –
поэт видовой



**Андрей
Поляков**



**Линор
Горалик**

побиралась чета голубей
(гули-гули, товарищи птицы!)
громко бегали быстрые глупые дети
про японцев играя войну
и чинилась
(подумал)
в моторе машина
полубывшим торговым одним моряком
с якорьком
на коричневой кисти

Эта церковь была не домашней
а вроде
нашего собора –
очень много знакомых
по улицам в жизни
людей

Вежливо (но не
более) поздоровались
с Машей:
она
уходила прекрасно вперед
во епархию Хлеба и Тела –
как специально, спешила она
в бухгалтерию Тела и Хлеба
за деньгами
хоть петь – не поет
оттого что
замуж за человека удачно красавица вышла собою однажды –
но, однако, отец Михаил
устроил так
что деньги
получает

«Околомолоко» –
бормотал
передавая свечку
улыбаясь бородкой короткой
кучерявый такой старичок



**Андрей
Поляков**



**Линор
Горалик**

хрупкий плотью, но легкий лицом
как хрустальный архангел в полете

Околомолоко –
– околомолоко...

Ориген совершал литургию
(как в тумане:
один или нет?)
а ты –
все ждал проповеди
и думал:
что скажет?
будет ли каяться
или пророком окажется
или
(на самом-то деле)
– прав был во всем Ориген?

Хорошо помню
именно твое
ожидание...

Но вдруг: все сдвинулось!
«Отче Авель, хочешь новощавель?
а порку укропа?» –
провозгласил Ориген
и вот:
весь горизонт – как белая кобыла
какое-то поле с автобусом бледным
(р а з м ы т ы м)
за городом женского рода по имени – Александрия
над горами древнего моря, горящими, будто бы свитки
или за Симферополем маленьким
(городом Крыма)
над Салгира водой близорукой
где студентки-русалки –
какие-то дуры
потому, что на листиках лип / различать не умеют цезуры
и печально, как многие листья, / о ветвистых плечах Велимира



**Андрей
Поляков**



**Линор
Горалик**

по течению ветра
звучат²

В стекле солено-кислого дождя
в его слегка надтреснутом стакане
на остановке автобуса
виден мышинный народ
с серенькими сумками невеселого быта земного
со смятыми бесформенно в греческий хаос пакетами будущей пицци
(для тела)
со звериного вида
мешками

Автобус глазастый
разумный
закричал на тебя, как безумный

а ты, как кот –
мимо пробежал

в бесцветное поле
за смутный от дыма лесок

мимо пробежал...

Никакого, никого золотистого
большой частью не помню уже

автобус –
тронулся с места

а сновидение –
остановилось
!

² ти
да
ди
ду

ла
ло
рю
ри



**Наталья
Горбаневская**



**Борис
Херсонский**

Не старалась удивить,
вообще не старалась.
Лишь тянула эту нить
с юности по старость.

Эту нить не починить,
если оборвалась.
Эту страсть уже не впрясть
ни в печаль, ни в радость.

Эта нитка тянется
дó ночи хладеющей.
Я гляжу, как пьяница,
на клубок худеющий.

...а впрочем, и не в том...

ВОСЬМИСТИШИЯ ОСТИНАТО

1.

Что тебя так улыбает?
Что меня так мутит?
Отставная коза барабанит,
и пò полю пыль летит.

А деревья срубают, как головы,
безболезненно и бесполезно,
и бесслèзно, и бескорыстно,
как истории коромысло.



**Наталья
Горбаневская**



**Борис
Херсонский**

2.

Коромысло или маятник?
Слёзный дар или колодец?
Память, память или памятник?
Бездна, бездна или кладезь,

где закопаны сокровища,
а какие — Бòг весть, Бòг весть,
где кровится и сукровится,
где кроится чья-то повесть.

3.

Повесть — совесть,
роман — обман.
Кто там? Кто здесь?
По чьим домам

ходит с обыском
ветер нагой
с липовым пропуском,
с липовой ногой?

4.

И все звери спят, спят.
И все люди сны снят.
И от головы до пят
ты и зàснят и заснят.

Спи-усни, но не засни,
только сон к себе мани.
Сини-сини и сини
ночи, ночи, дни и дни.



**Наталья
Горбаневская**



**Борис
Херсонский**

5.

Как на дно, как без дна,
как без позвоночника...
Как беззвёздна одна
темная ноченька.

На́ день сохнет со дня
светлая реченька.
Не слышна, не видна
флейта поперечная.

6.

Эти «не», эти «без»,
этот отрицанья бес
над безгрешной землей
пролетел, сухой и злой.

Пролетел, сухой и злобный,
над Калугой, над Коломной,
над Окой и Двиной
и над тёмной надо мной.

7.

Образуетя, всё образуетя,
образумится и обрящется.
И русалочка лёгко разуетя,
позабудет про ножки болящие.

Заиграет и в прятки, и в салочки
до полуночи, после полуночи,
и щекочущим смехом русалочьим
грянут по́ небу луны и луночки.



**Наталья
Горбаневская**



**Борис
Херсонский**

8.

Слышен-виден, виден-слышен
чистый помысл, чистый замысл,
лепестки отцветших вишен
заметаю. Заметались

под метлою. Загорелись,
как подсохшая берёста.
Вот тебе «краса и прелись»,
и красоты, и короста.

9.

Месяц прост, но не прям.
Как дорога в храм,
он изогнут.

Никаких программ,
выпьём по сто грамм,
и чабрец, и тимьян,
и лопух, и бурьян
— все иссохнут.

10.

Если я автомобиль,
то, конечно, грузовик.
Если грязь и если пыль,
кузов мой из них возник.
Если стелется ковыль
пеленой из-под колес
— небыль? небыль? или быть?
— в том вопрос? не в том вопрос?



**Наталья
Горбаневская**



**Борис
Херсонский**

11.

Ухабами забитый,
разутый, позабытый,
кончается стишок.
И вновь пошли ухабы,
ну да и мы не слабы,
затянем ремешок

покрепче да потуже,
ныряя в рифму в ту же.

12.

В ту же степь, не в ту же степь,
жестяные вывески,
газетные вырезки,
то известия, то весть,
а благая ли, Бог весть,
два шага, ту-степ, ту-степ,
две ступеньки с лестницы
у меня-безвестницы.

13.

Единица в кубе — один,
а двое в кубе — восемь.
По двое в кубах сидим,
ничего не просим.

Непросимый — не вопроси.
Непростимый — другим прости.
Напейся росы, росы.
Ни с ума не сойди, ни с пути.



**Наталья
Горбаневская**



**Борис
Херсонский**

три стихотворения о дожде

1.

Но дождь и ветер
— это ты любишь?
Это без зонтика
губами голубишь?

Эту экзотику
впиваешь в лёгкие,
а верб и ветел
листочки лёгкие

пошатываются,
покачиваются,
и дышат без лица,
и плачут без конца.

2.

Закрой калитку,
не отворяй,
сухую нитку
не оставляй,

не дай в усушку
ни дар, ни дань,
поедешь в Кушку
и в Аристань,

поешь несметных
небесных слёз
и безответных
земных угроз,

угрозы, слёзы,
охапки роз,
дожди ли, грозы
— вот в чем вопрос.



**Наталья
Горбаневская**



**Борис
Херсонский**

3.

Всего лишь три? Три тысячи
и будущих, и прежних!
Уже сбылись мечты свечи
о тех касаньях нежных

текучих, утоляя жар
и угашая жажду...
Владыка туч кулак разжал,
и больше я не стражду



**Борис
Херсонский**



**Наталья
Горбаневская**

Беженцы

1.

Беженцы, сгрудившиеся на привокзальной площади
в ожидании хоть какого-нибудь состава,
в направлении «хоть куда-нибудь, но поскорей».

Плоский купол делает огромный серый вокзал
похожим на византийский храм или мечеть,
не хватает креста или минаретов по углам.

Статуи рабочих, колхозников, солдат и матросов
пришлось бы убрать в любом случае.

Пришлые люди страшнее, чем прошлые годы.

Вот девушка, сидящая на огромном узле
смотрит в круглое зеркальце на то единственное,
что сохранилось от прежнего мира –
на свое собственное лицо.

2.

Местные ходят кругами, смотрят на чужаков,
как на пластмассовых ящеров или рогатых жуков.

Ишь, понаехали на чужие хлеба и гроба,
тем, кто не нужен там, нечего делать тут.
Собирают корки-окурки в картонные короба.
Годы идут. Горбятся старцы. Дети растут.

Ишь, взгромоздились на чемоданы и на узлы,
Глядят в репродуктор на телеграфном столбе.
Местные люди добры. Пришлые люди злы.
Человек в себе страшнее, чем вещь в себе.



**Борис
Херсонский**



**Наталья
Горбаневская**

Вот, почему-то вспомнилось:
год шестьдесят восьмой.
Клуб железнодорожников, иначе «железка»,
мы там играли на танцах,
играли ужасно,
но можно было попрыгать. А что еще нужно?

Я мучил клавиши. На барабанах
играл Жовнирук. Серый стоял с гитарой
и пел, как умел, битлов.

Однажды кожа на барабанах
лопнула, лоскут завернулся, и я увидел
ряды черных еврейских букв.

Поняно. Свиток Торы
пустили в дело – «хвалите Его во тимпанех и лице,
хвалите Его на струнных и органе».

Электроорган «Юность», так это убоище называлось.

А я все смотрел на пергамент, лицо мое, вероятно,
было не слишком веселым. Не огорчайся! –
сказал Жовнирук, – за час перетянем,
чего-чего а такого добра (он говорил о свитке)
здесь хватает!

Понятно, «железка» была синагогой.
Сто раз смотрел на здание, но не видел.
А мог бы догадаться с первого раза.

Мы играли там еще месяц,
стояли на сцене, а в зале тряслись ребята
и, что важно, девушки. На плакате
было написано что-то хорошее о комсомоле.



**Борис
Херсонский**



**Наталья
Горбаневская**

Потом наших избили, забрали гитару,
я сразу упал, меня попинали ногами,
но так, вполсилы, Серый сопротивлялся,
ему и досталось. Дрались мы не лучше,
чем играли и пели. Хвалите Его на кимвалах!

На звонких кимвалах хвалите Его,
на звучных кимвалах хвалите Его!

Той весной дети ели пробившуюся траву
и умирали с пучком зеленой травы во рту.
Безоблачное небо поддерживало на плаву
сотни тысяч душ, переступивших черту.
Рядом с ними аэропланы тревожили синеву,
и белые корабли стояли в порту.

Сверху пилотам и душам была видна
скорее карта страны, чем сама страна.

Реки меняли течение. Отступали леса.
Труд-чародей повсюду творил чудеса.
Достигали неба жерла фабричных труб.
Не повернуть колесо Истории вспять!
История шла вперед, но споткнувшись о детский труп,
замирала, и снова – шла, и спотыкалась опять.

Живые смотрели вперед и глаза их были ясны.
Им жить-поживать, да добра наживать.

И мертвые были счастливы, что дожили до этой весны,
и напоследок успели молодую траву пожевать.



**Борис
Херсонский**



**Наталья
Горбаневская**

Не грусти, не печалься, не стой у окна, сквозит,
будет болеть спина, говорю, не стой у окна,
небо сплошь затянуло, дождичек моросит,
Боже, что за весна, что за весна!

Что за город, Господи, валят деревья, огромные пни,
грудю ветки, стволы распилены на куски,
что за дни, Господи, что за дни,
темнеет в глазах, ломит виски

Ибо всякое древо, что не приносит плода
срубают, бросают в огонь, пока не сгорит дотла.
Если бы дерево знало, что попадет туда,
сплошь бы покрылось плодами страха, вины, стыда...

Мерно скребет асфальт дворницкая метла.

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ ЙЕЙТСА

Плаванье в византию

1. Тема

Нет царства для старца. Молодняк по углам
обнимает друг дружку. То же – скопления птах,
вымирающие поколенья, лепет, щебет, бедлам,
в реках – форель, в море – макрель, грязь или прах,
плоть или рыба, спешащая по делам
уходящего лета: зачатье, рожденье, слезы на похоронах.
Пойманный в сеть ощущений, я рассуждать бы не стал,
какой монумент ум, лишенный возраста, поставил на пьедестал.



**Борис
Херсонский**



**Наталья
Горбаневская**

1. Вариация

Нет царства для старца. Но в каждом царстве дома
для старцев, там за порогом тьма,
возраста нет у искаленного ума.

Единственный выход – пуститься в плавание, вода
растворяет все, пора вытаскивать невода.

Встревоженная макрель сбивается в серебряные шары,
акулы бы рыб щадили, если бы были добры,
тем, кто стар, пора выходить из игры.

Колесо мироздания, цепляясь за колесо
истории или сансары, как при игре в серсо,
крутится на фаллическом плотном штырьке.

Господь просит цыганку погадать по руке.

Цыганка глядит на линию вечности, ногтем ведет поперек,
говорит ему то, что сам Он миру предрек.

2. Тема

Старец почти ничто, подобен пугалу у ворот,
рваной тряпке, воодруженной на шест, если душа не
хлопнет в ладоши, не топнет, в голос не запоеет,
как всякий старьевщик в драном саване, ибо мне
не хватает певческой школы, тут просто пение без нот,
памятник собственному величию, поставленный в стороне.
Потому-то я пересек морские миры и страна
пресветлая, золотая Византия уже видна.

2. Вариация

Переваливаясь с ноги на ногу, опираясь на жердь,
как Сфинкс говорил Эдипу, вечер на трех ногах,
мать в постели, отец в гробу, легкая смерть
на дороге, есть время поговорить о богах,
их сварах, любви и ревности, прежде чем слепота
не поразит мудреца. Мир не тот и старость не та.



**Борис
Херсонский**



**Наталья
Горбаневская**

А душа все поет и хлопает в ладошки скачет; ей
дела нет до тела до нескольких дней,
которые ей остались, пока Господня рука
не остановит на трех ногах скачущего мозгляка.

Никогда не любил Византию. Ее царей, куполов,
сперва ослепленных, потом отсеченных голов.

3. Тема

О мудрецы, стоящие в святом Господнем огне,
словно выложенные золотой мозаикой на стене,
выйдите из огня, закрутитесь волчком в окне
станьте искусными певчими, спойте мне,
истребите похотью одержимое сердце мое,
спешащее к смерти, как любое зверье,
не знающее, что такое небытие. Меня приберет
мною созданная вечность, завершившаяся в свой черед.

3. Вариация

Никогда не любил Византию. Всегда любил
ее песнопенья, мозаики, звон кадил,
глазастых святых, держащих храмы в руках,
начало Премудрости – Божий страх,
конец Премудрости – людское бесстрашие. Вот
Премудрость созда себе дом на семи столпах,
стоит на площади, в гости людей зовет,
стоит, нагая, рукой прикрывая пах.

Русские вывезли из Византии все то, что там
куда-то годилось – музыку, веру, икону и расставили по местам.



**Борис
Херсонский**



**Наталья
Горбаневская**

4. Тема

Покинув природу, мне уже никогда не вернуть телесный облик из плоти и крови, скорей сгодится металл, кованный греческим ювелиром, скань или эмаль. Взглянуть на это чудо рискнет Император, пока в дремоту не впал, можно присесть отдохнуть, собираясь в путь, на золотых ветвях и петь, пока дышать не устал вельможам и дамам святой страны Византия о том, что навек ушло, навек уходит или уйдет потом.

4. Вариация

Никогда не любил морских путешествий. Лодка казалась мне черным жуком, лежащим на выпуклой плотной спине, гребущим черными лапами по лазурной волне.

Не любил морских путешествий. Для чего теперь я плыву, привязанный к мачте, кажется, наяву, слыша пенье сирен, а у гребцов в уши залит воск, и они не слышат, а у меня болит вера, но сирены уже давно обращены в веру Христову. Они крешены, прощены, золотые кресты горят между белых крыл, под которыми Верный верных своих сокрыл.

На пути в Византию даже сирены поют в унисон гимны Пречистой Деве, погружаясь в последний сон.



**Мария
Ульянова**



**Герман
Лукомников**

В кармане маркиза размякла лакрица.

Не читил чтец счета, считал тщета...

На шиньон шпика пшикнул шпион для шика.

Потратил раб зарплату на заплаты.

Для Вари и Гали стигбал Олег оригами.

Алладин на окраине обокрал амбар Аль-Каиды.

На перине проплывала Полина но Нилу.

Изрешетили тело в тире, тили-тили.

Рубли люблю, дроблю Дор Блю.

Мыл руки Колумб у Лукоморья в рукомойнике.



**Мария
Ульянова**



**Герман
Лукомников**

Корявы лекала рекламы.

Ковырялись всем кордебалетом в карбюраторе кабриолета.

Нарядила Райка лайку в лайкру.

Махаон

Хмурился махаон во мху:
«У мухи муфта на меху».
А махровый халат махаона –
Из картона-капрона,
Из рулона нейлона.

Побегаец

Накупил побегаец у алтайца Тараса атласа.
Напялил алый наряд и помчался.
По горбам, губам, буграм и гербам пробегал.
Погубило побегайца попугайство.
На мангале Макара в гарнире моргал.



**Герман
Лукомников**



**Мария
Ульянова**

бальзак воспел тридцатилетнюю
сельвинский женщину под сорок
набоков двенадцатилетнюю
а я сметанушку и творог

Мышлением
Мышь лени ем.

пойдем
прогуляемся

по продуктовым

ежик Кижэ

учёные

ну и чё

спит пирожное картошка
дремлет булка марципан

вместо поединка
вместе поедим-ка



**Герман
Лукомников**



**Мария
Ульянова**

ЧУЛАН
УПАНА
ЛАКАЛ
АНАПУ
НАЛУЧ

Чулан у пана лакал "Анапу" на луч.

я почти ничего не помню
и совсем ничего не знаю

сколько стоила пачка примы

не помню

а теперь выпускают приму

не знаю

вдова

вдава

вдава

вдава

вдава

да не довдавафь



**Герман
Лукомников**



**Мария
Ульянова**

Неужели я настоящий,
Как какой-нибудь звероящер?

Какой вариант лучше?

1

от стаи волков
отстаивал коз

2

Вол коз от стаи волков отстаивал.

3

от стаи волков ту
отстаивал кофту

4

от стаи волчат
отстаивал чат

5

от стаи волчих
отстаивал чих

6

отстал
от стад



**Герман
Лукомников**



**Мария
Ульянова**

ювелирный
юный ливер

вот такая
анаграмма

юный ливер
ювелирный

шел по улице гулять

маразм какой-то

ювелирный
ливер юный



**Марина
Хаген**



**Павел
Гуменюк**

история болезни

0.

папа, мы все каждый день умираем
и я, и ты, и твоя сестра
она не стала умирать быстрее
она стала умирать заметней

1.

есть такая игра, кто меньше скажет, когда маме делали операцию, знал только отец, если бы можно было как-то так удачно смухлевать, и не сказать даже ему, она сделала бы и это, всему виной мобильные телефоны, можно лежать под капельницей говорить о чем угодно, пусть даже и о работе

есть такая игра, каждый, кто догадался – игрок, когда у меня было сорок и название болезни в одно длинное-длинное слово, я отключал все телефоны, чтоб не застали врасплох, потом полоскал горло, собирал голос, перезванивал сам с мобильного на мобильный и про работу тоже

да игра, у него операция скоро, не уверен, что мне скажут когда, я мало знаю, звоню всем по очереди, разгадываю шарады, да и врачи, они тоже люди, они уже знают, есть такая игра

2.

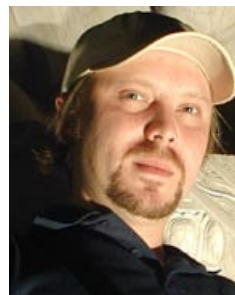
на обследование
скоро назначат дату и
дальше
нехитрые подсчеты: бабушка умерла в 63
ему 65 сейчас
каждый день увеличивает разрыв в счете

3.

неделю назад
десятичасовая операция
пару дней в реанимации
сейчас в обычной палате
очень похудел
ходит, если есть на кого опереться
остается молиться
брат сына назвал в его честь



**Марина
Хаген**



**Павел
Гуменюк**

4.
отдам даром
крылышки ангела
крепление лентами
длина примерно 100–105 см,
сегодня вечером,
у метро Бауманская

нам не понадобились



**Павел
Гуменюк**



**Марина
Хаген**

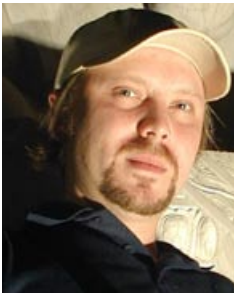
и не волнуйся за детей
мы их надежно спрячем и
дочки более не понесут
и мальчики не поднимут ружья
и мы пойдем туда где звезды спят

блаженны миротворцы ибо будут
блаженны их бомбардировщики
ибо будут наречены
хаммурапи каппадокия
кнаан
трансденестрия
ибо будут
пзрк лсо и ому
иисусом карающим
именем танцующей звезды

Колыбельная

Я люблю тебя вечно за то что ты закроешь глаза
Я люблю тебя вечно за то что я закрою глаза
Я люблю тебя вечно за то что в детстве у меня был игрушечный пес
Я люблю тебя вечно за то что уже ничего нет
Я люблю тебя вечно за то что иисус уже вернулся
Я люблю тебя вечно за то что мы здесь в темноте

мэри как красный пиксель на востоке
мэри как белый мул на севере
в вифлееме в хоразаиме
в ноттинг хилле сен дени
вон из земли
вон в землю



**Павел
Гуменюк**



**Марина
Хаген**

есть причины
внутри причин
пружинки для ворон
дождь над ржевкой над сейнт пи
north london
есть chaika потому
что ты
бенедиктас
потому
что ты
есть белый дельфин и дети и разноцветный шар
(и я верю что есть рай (paradise))
я тут
потому
что ты
но я не афалина
я умер за вас всех
потому что ты
неоновый свет
зуммер



**Данил
Файзов**



**Игорь
Белов**

Ни одного знакомого лица
и вообще ни одного лица
красоты
виды
и все для одного чтеца
платона и овидия

в березах и полыни адреса
забыты и потеряны с листа
до самой смерти
считал до ста
всего что есть на свете

и провалился и порезался осокой
плескался сон он был рекой глубокой
горбушка зачерствела в рюкзаке
и проступала кровь из неглубокой
из ранки на щеке.

Гене Каневскому

это о тебе идет речь говорится сказка на скорую руку
это ты обещаешь увидеть великие реки
а значит обещаешь размолвку разлуку
каждое утро в поисках сигарет поднимаешь веки

о тебе на каждом углу говорят по тебе проедут
в электронных письмах и во всяких письмах во всех пределах
если вторник хорош то увидимся видимо в среду
многие тебя любят но с каждым годом ряды редуют

на твоих же плечах чудеса и ты слышишь родную речь
ты уже не боишься случайных встреч
и при них говоришь без заглавных букв
ты о них навсегда забудь
будет легок твой путь небывал невесом твой путь



**Данил
Файзов**



**Игорь
Белов**

Даниле Давыдову

жалея и плача говоря и споря
еле ворочая языком во рту набитом галькой
только дионисийское выдает в тебе насмешника трубадура героя
грудь в крестах как коньячная этикетка в медалях
на патриарших выпили и не узнали горя
счастье бродило рядом но мы его не узнали

только дионисийское ветрено талантливо высоколобо
льет через край вырывается из гортани
выдохом после первой это такая свобода
занюхивать дрянной коньячок обратной стороной медали
ставить точку в конце строки словно заколачивая крышку гроба
говорить как же меня все это достало

за какую мелочь нас опять купили
какое пойло нам опять продали.

Как жест нетверд как время недвижимо
на светофоре остановлена машина
и вот ты катишься и вот зеленый свет
тому о чем и думать не пристало
во цвете лет

что сделал ты для жизни – не дорос
и ручейки не выстраданных слез
так одеянья неудобны и тесны
звучит плохая музыка в эфире
прости ее ведь все давно простили
и прощены.



**Данил
Файзов**



**Игорь
Белов**

размороженная замороженная клубника
множественный спам и любовная лирика
и гражданская лирика и слова простые
смотришь как столбенеет красавица эвридика
закончилось все в чем мы могли отразится
водка и спрайт, стоит ли обернуться
у девушек какие-то уж очень красивые лица
какие-то очень уж замечательные фигуры
в детском мире стоишь около стенда барби стоит очнуться
пересчитай наличность. пойдём покурим.

земля любила больше женщин и мужчин
земля любила видимых причин
одно непрекращавшееся свойство.
так пенье птиц возьмет и вырвет беспокойство
из глаз твоих из под бровей из под ресниц
из под ресниц морщин из под бровей морщин

раскрой свой зонт свои глаза свои очки
в земле копаясь не до сантиментов
учи язык болтай на эсперанто
все мысли вслух прочти прочти прочти

в те рубежи где нет земли и неба
оставь свой взор лови сияние и плачь
и не моли тем более не требуй
в промозглый день демисезонный плащ



**Игорь
Белов**



**Данил
Файзов**

стихи о Малыше и Карлсоне

*...Карлсон харкнул мимо урны и улетел.
Данила Давыдов*

ради простуженных голосов в ночных магазинах
ради горячих сердец под капотами легковых машин
в центр города в полночь слетаются души красивых
умных и в меру упитанных мужчин

захватывают кафе и бензоколонки
ревнителю неглаженого белья
гроза отечественной оборонки
один из них ты а возможно я

они перегаром на звезды дышат
в скверах распугивают ворон
и отъезжает твоя стокгольмская крыша
в охваченный бурьяном микрорайон

ты ждешь пока фонарь под глазом потухнет
просыпаешься мертвый и больше вообще не спишь
и в один прекрасный день читаешь на стене в кухне –
“ты никогда не повзрослеешь Малыш”

жизнь справляется с нами одним ударом
когда осень на горло наступает со всех сторон
и все что горит это луна над баром
похожая на монету в пять шведских крон

и мы пьянеем уже просто понюхав пробку
погибаем с грацией подбитого корабля
но по привычке ищем на брюхе кнопку
если вдруг уйдет из-под ног земля



**Игорь
Белов**



**Данил
Файзов**

дредноуты

в баре «Дредноут» ночью мне снится свинцовый дым
кошмар на улице Генделя становится вдруг родным
пену морскую с кружек ветер уносит вдаль
а черным дырам колонок вообще никого не жаль

за стойкой меняют пластинку так долго ищут ее
будто меняют родину ну на крайняк белье
в меню полыхает надпись – одевайся и уходи
все правильно ставят группу по имени «Бигуди»

я вслушиваюсь как реки прочь от себя бегут
злодей вытирает лезвие о майку Johnny Be Good
любовь моя говорит во сне за ледяной стеной
и море шумит в заблеванной раковине жестяной

на деле же все не так и в этот сплошной отстой
с безалкогольной музыкой приправленной кислотой
приходит местное время с улыбкой но без лица
и разводит на жалость голосом Гришковца

вот мы сидим гадаем сколько нам ждать зари
если уже бледнеют ржавые фонари
на какие еще глубины опустится не дыша
наша с тобой бессмертная силиконовая душа

разве что просигналит в память о прежних днях
тонищий супермаркет весь в бортовых огнях
и проплывут над нами спутавшиеся уже
что-то тела из пластика или папье-маше

только бы взять тебя когда подойдет волна
на руки словно куклу выпавшую из окна
чтоб уловить в подъезде обнимаясь с тобой
искусственное дыхание ровное как прибой



**Игорь
Белов**



**Данил
Файзов**

последнее танго в Варшаве

нас обоих развозит от слов разлуки плюс ко всему
валит с ног огненная вода фри-джаза
извините панове я футболку с тебя сниму
это все проблемы снимает сразу

все что мы взяли у музыки мы ей всегда вернем
и она оставит нам – без вопросов –
только нервные клетки пахнущие зверьем
и не добитую до смерти папиросу

то ли дождь прошел то ли в прическе сверкает лак
по-любому для нас с тобой облака на порядок ниже
наши короткие жизни проглатывает мрак
словно видеоманитофон – кассету с «Последним танго в Париже»

бог моего сновидения он ни хера не прост
за круглосуточным баром и черными гаражами
музыку не для толстых он делает в полный рост
значит будет еще у нас детка последнее танго в Варшаве

пусть шляется за тобой невыспавшийся конвой
каждый кто был в разной степени тебе близок
и пограничник-поляк загранпаспорт листает твой
как донжуанский список

ржавая магнитола играет на дне реки
в кинозале включают свет и я слышу голос почти забытый –
вставай тут Марлон Брандо погиб за твои грехи
а ты спишь как убитый



**Игорь
Белов**



**Данил
Файзов**

открытка из Вильнюса

картонная бабочка выпорхнула из рук
и растаяла в воздухе хлопнув дверью
нержавеющий ливень молча стоит вокруг
и теряет время

я никогда не узнаю – настолько почерк размок –
где теперь тебя носит словно письмо в бутылке
и в каком кафе цеппелина свинцовый бок
распорот ножом и вилкой

под какими звездами дыхание затая
за тобой наблюдает уже полвокзала
а из динамиков льется через края
первый весенний гром со вкусом металла

я тебя буду помнить даже когда умру
так вот они и звучат на улице и в квартире
чайкам не обломившиеся слова на морском ветру
и не поймешь что в записи а не в прямом эфире

к северу от границы крутят песню о двух мирах
заткнувшую глотку морю и антициклону
это вильнюсский поезд несется на всех парах
жемайтийского самогона

опора звука

когда ты забудешь улицы списанные с натуры
все что хотела сказать и поэтому не сказала
эти сумасшедшие дома контркультуры
эти сердца пустые как заминированные вокзалы

оставь мне контрамарку в билетной кассе
распишись на афише смахивающей на парус
я поеду на твой концерт а выйду на пустой трассе



**Игорь
Белов**



**Данил
Файзов**

и увижу отлетавший свое икарус
где от карты прибалтики осталось два перекрестка
на черных от асфальта и крови ладонях
и обрывки музыки для подростков
разгуливают в сгоревшем магнитофоне

вот так мы поймем что не сыграть по новой
а мотор молчит наглотавшись боли
и очнемся на дискотеке в заводской столовой
холодной словно зимнее футбольное поле

не принимай это слишком близко
и смерть однозначно пройдет мимо
если с темной стороны жесткого диска
ты выдохнешь мелодию как струйку дыма

затянешься снова и удержишь дыхание
хотя его и так с избытком хватает
для занесенного снегом расширенного сознания
которое проснется – и вдруг растает



**Анна
Глазова**



**Ника
Скандиака**

Троя

руки сами возводят руины.
из бумаги дома, из книг горы, и
на штольни тарелок набыю,
из шарфов проложу реки.
с улицы грязный,
вымою в пенных водах его,
оболью вином, обведу медом, заложу камень:
здесь будет город.

Троя, нетронутая.
из пожара вымыт твой камень
в мой дом.

у красавицы за щекой,
у широкой души за пазухой
темно тепло тесно, ни угла,
позвонки цепенеют.
в кулаке ты спрятан, ты весь,
и если движешься в мире,
значит, несут.
значит, выронят.

руками держись,
но умей переворачивать
в воздухе тело,
чтобы, еще не упав,
научиться ходить.

а ударившись оземь,
в костыль превратишься
для старика, он идет,
через костыль земля упирается
в слабое тело.



**Анна
Глазова**



**Ника
Скандиака**

как найдешь в лесу спящего,
отними ему руки от век,
откати с колен камни.
думай ему
то, что есть.
положи на себя его груз,
отнесешь к морю.

спящий носит на выдохе
темный покой.
он возьмет с тебя слово
оглушенными ночью ушами
и вернет, рак в ракушку,
пространство в твой жадно
вдыхающий рот.

пусть память,
когда откатилась,
возвращает приливы листве,
под деревьями слышен
и маленький шум.

перекрутить веревочку
лечь в темном месте и ждать
когда в петлю попадет
и тянуть из нее
воздух через соломинку
луч между досками
манить на складки в одеждах
и на битое зеркало
это охота в комнате
на дикий свет



**Анна
Глазова**



**Ника
Скандиака**

никогда не придешь ты домой,
куда ни иди,
все открытые двери,
все закрытые двери,
все твои – и закон в каждой,
что ключ открывает замок,
закрывает,
и за каждой сияющий сад
или мрак или душный чулан,
и ты тянешь из души своей
нитку сквозь рот и метишь дорогу,
как могла бы ты верить,
многоглазая, лысая, что когда-то придешь.



Ника Скандиака



Анна
Глазова

* * *

Хе-Рим
мертвая гора;
взошел, от жил универса телесный
(подняла на плечи | | подняла на веки).
как (черный) щедрый лес (вокруг) назовут (назовешь), так он и поплывет, так и будет
стоять в пурпурном
(вечернем) свете.

* * *

дрозды / но в тишине вьюнка.

* * *

лоснилось белое и крылья на себя // брало
простыми ресницами
бабочка, уличенная в блике.

* * *

воздухе, где мятется вода
надавливай, природа
раскрой / искру

* * *

отмени закон-другой, и воплотится
(вынь камень-другой, и станет домом)

прорвавшись через образ

.
ближе к конечной вселенной

он колышек бездонья выдернул (я) из центра

.
шел, а по сторонам две гиены (пропасти?), как два глаза [два
отсутствия (охотника)] шел, а уши
отсутствий по сторонам (ночам)

[словно птицы,] молчат, чем едят



Ника Скандиака



Анна
Глазова

*Финляндия с ее упорной борьбой
во время зимней кампании 1939-40
гг. реабилитировала **героическое
начало** в финно-угорской ментальности,
**избавила нас от комплексов
национальной неполноценности.***

(Сергей Завьялов в интервью Анне Бражкиной;
<http://www.ukr.liter.net/=Zavyalov/mordovia.htm>)
(жирный шрифт мой)

«He Бернс – Данбар!»

(Hugh MacDiarmid)

не “киргань” || “кирговонь” || вам говорят | нам (?)

потому что абстрактная сотня солдат
потому что стремительный догмат/ стократ
вырастает на месте героя

| настроил (устроил (утроил (?) (?)

некто глас свой наставил по центру лица
нарастает на месте фигуры отца
расстается окропная туча
кто град свой построил по центру лица
армейскую службу проходит конца
ребенка и дерева муча

| сходству (?)

бересты
а не горла
березой
не голосом воя



Ника Скандиака



Анна
Глазова

* *

и как мы будем жить
в условиях тата
ль
(ытар (чуваш. превозмогать себя))
ной эколо-----
------(ги) (и)

придется всем
немного разобциться

.

нервно серебрится (сверкает) (река)

.

не от рыва-----
-----а[-]----- (iut)
от ровного
(поверхности) письма
написанное (прерванное) рукой

* *

писать нельзя. да здравствует писать

почему зоологический?

в виде подстрочника или чучела
в виде подстрочника или выстрела
в виде лосося спасался
я спасался во всех обличьях
и вот я [здесь]
(поддельный) Талиесин

| фольклора (?) остался (?)



Ника Скандиака



Анна
Глазова

[говорящих-читающих-пишущих по-валлийски
в уэльсе ~570 тыс., и он, можно сказать, отжался.
мэнский, к слову, спас один человек, не носитель,
пошедший к старикам; теперь родились 59 носителей-
билингвалов]

[высоко] в виде сокола или выстрела

| кестрела (?)

кто мы
эти люди

в виде лисицы или березки, но валить ее надо

кого? здесь.

в виде лица или осанки

в виде камня || или (серебряного) времени
в виде туши или души
в виде волны или света

[пока я не стала собой]

в виде воды? частицы? || в виде инея или огня (в виде Земли и снега)
губ или смеха
переиграем

[не квалифицированы быть друг другом]

вакуум: слепок одной руки.

в виде тела или волны-частицы
(не использовать) «это были»
(комментатор TJ у омниглота)
«не идиомы, а сам язык»



Ника Скандиака



Анна
Глазова

*

Ну,
вот и сказке конец

*

* *

клаузула о самождественности:

Хью МакДермид, «Пьяный смотрит на чертополох» (1992 Carcanet / 1994 Penguin Selected):

«Он поднимается – взлет за взлетом – из нижних глубин океана и выбрасывает свои розы за пределы полета, пока недоступная донные высота обрушивается под его торжеством. ...Ничего, кроме ничего, там, в яме, где рос Чертополох, раскорененный, сияющий, летящий Фениксом в Парадиз!»

Pól O'Dochartaigh, *Julius Pokorny: An outsider between nationalism and anti-Semitism, ethnicity and Celticism*
(<http://www.ingentaconnect.com/content/rodopi/germ/2003/00000057/00000001>)

“В первые берлинские годы осуществились некоторые из самых амбициозных планов Покорного по публикациям. ... В 1922 г. он публикует сборник переводов гэльской (здесь: ирландской – нс) поэзии и рассказов Патрика Пирса. ... В 1923 г. публикует древнеирландскую историческую хрестоматию и собрание средневековой ирландской поэзии в переводе. В 1925 г. выходит исправленная древнеирландская грамматика на немецком языке. В этом же году Национальный университет Ирландии присуждает ему почетную степень доктора литературы. В 1927 г. он публикует первый (из трех) исправленный том индоевропейского словаря, составленного Алоисом Вальде. И все это время он редактирует Zeitschrift [für celtische Philologie], вслед за (ментором и предшественником – нс) Куно Майером; она выходит раз в два года. В декабре 1927 г. он вознагражден ординариатом.”



Ника Скандиака



**Анна
Глазова**

«Мой измученный сам собой дух принял форму, повторенную чертополохом...»

«В письмах он пытается перенести акцент с еврейского происхождения на свой немецкий национализм.»

«Сила, которая ударила шелестящий стебель с призрачными листьями и спрятанными шипами и внушила ему рассыпаться в нежных цветках – уходит от меня, сардонического любовника, в толкотне противоположностей среди этих ошарашивающих зарослей.»

(С 1935 по 1943 Покорны оставался в Берлине, не преподавая, но печатаясь. О'Дохерти в числе других источников допускает возможность, что он находился под чьей-то защитой – может быть, в вознаграждение за многолетнюю националистическую пропаганду. В 1943, после того как его квартиру в его отсутствие посетили гестаповцы, бежал в Швейцарию по ирландской визе; в 1955 вернулся в Германию (Мюнхен), умер в Цюрихе в 1970. Покорны – одна из крупнейших фигур в истории ирландистики и автор индоевропейского этимологического словаря (Indogermanisches etymologisches Wörterbuch), который, как Библия, часто подвергается критике за недостоверность.)



**Арсений
Ровинский**



**Станислав
Львовский**

Гордон не дает интервью.

постоянно говорит и одной только правой рукой жестикулирует
или поет может долго петь говорят родители Фариды
разве этого мы ожидали для нашей дочери

никому не даю интервью говорит Гордон
никому не даю потому что у всех есть свое терпение
ветер несет песок пучки какой-то травы
все как-то сразу

Виталик приукрашивает действительность.

Эшлеману снится сон будто он опять влюблен
он уже не беспокоится
я – он говорит – вдвойне
все маневры на войне
артиллерия и конница

видел в полной темноте
только это мало мне

Все герои.

слышишь слышишь говорит Москаленко старухе
ничего мне боле от тебя не надобно
на геройскую смерть соглашаюся

поздно поздно говорит Москаленке старуха
все станут герои всех представят к различным наградам
только напротив твоей фамилии черточка
совсем небольшая галочка



**Арсений
Ровинский**



**Станислав
Львовский**

По-украински.

вот и могилка самоубийцы на берегу реки
злые односельчане не дали кануть в лету Петру Шевченко
«Петр – написано по-украински – в 22 года был лучший жених в деревне

однако влюбился в мертвячку Надю ночами веночки плели
сами себя пожирали как лошади или морские коровы»
ну вот зачем вот такое рассказывать не понимаю зачем
они это сделали

Женя улетает.

муравьи повылезали Женя смотрит муравьев
непонятно для чего они работают но точно лучше ласточек
и кстати бабочек и птичек

муравьи повылезали смотрят Женя улетает и смеется что весна
наконец-то наступила все шумит над этой дурочкой
до чего же милovidная до чего же милovidная я
крутится повторяя



**Станислав
Львовский**



**Арсений
Ровинский**

будет весь день
лежать на кровати.
не ругай его, мати.

никуда не пойдет
легким шагом.

не рыдай его, тятя.
не бросай свои сети.
не беги за ним следом.

даже ты
не за все
в ответе.

*

трудно быть одним
врачом участковым
одним на весь район
меламедом

когда в классе
такие дети.
когда такие больные
и остальные
постоянно толпятся
у тебя в кабинете.

*

в смысле, пусть
будет хотя бы
кто-то один
или больше
о ком думать –
не надо.
за кого заведомо
другие
в ответе.



**Станислав
Львовский**



**Арсений
Ровинский**

например я
и вот эти
мои слова
его, наверное
внуки –

азбуки его
кровяной, но
воздушной
невещественного
но околоплодного
его алфавита

вечно болеющие
ангиной
некрасивые
дети.

*

трое суток всего
за целую жизнь
дали поспать дитяти:
в неудобной пещере,
спеленутому, на камне.

не рыдай его, мати.
не ругай его, тятя.

никуда не пойдет он сегодня
а будет спать.
целый день
пролежит на чистом
белье, наконец-то,
в кои веки поспит
по-людски, в кровати.

и он, да, знает
что такое больница
в райцентре.
и нестрашно
что в коридоре
а не в палате.



**Станислав
Львовский**



**Арсений
Ровинский**

ну спустись ниже. еще немного.
там, правда, то же самое. такое же то же.
то же тело (скушно), оно скучает,
плачет, стоит, хихикает, обмирает.
хочет.

а больше ничего не умеет.

только молчать и тупить на кухне,
глядя поверх стола, грязных стаканов.
вон оно, – греется газом, сидит на стуле,
смотрит в дареную антикварную книжку,
в инкунабулу советскую пялится, курит.

а там пишут одну неправду.
много неправды: как стирала и умирала.
писала – стирала. артрит, простуда.
холодная вода, белая стерка.

нету слова такого, это про ластик.
ластик тоже – странное, из мультфильма:
то ли белек, то ли котик, луиза, тельма,
мирабелла, мария, сочиненные наспех люди.

ну спустись, ты же этого хочешь.
там же корни наши, земля, суглинок,

наша нефть, родина, все такое.

* * *

смотрит на фотографию
и говорит (грустно так):
этой пивной больше нет.
а я ему отвечаю: *этого*
ничего больше нет
одни остались названия
одни имена



**Станислав
Львовский**



**Арсений
Ровинский**

*да и в них уж
никто не помнит
где правильно
ставятся ударения
а ты про пивную.*

а он, глядя на фотографию
говорит мне: *мы ведь там с Людкой
познакомились.*

* * *

*как странно, – написал в семьдесят
втором сатуновский
что все они поэты, – и этот
и этот, и тот, и этот, куда,
куда вы удалились, ну как
его, – который в одном
из бесчисленных интервью
сказал, что оно будет похоже
на николаевскую Россию, –
еще в середине восьмидесятых
когда все думали, что. ну, или
вообще про это не думали. а теперь
они оба, и сатуновский
и этот, как его. греки новой эпохи
даже чужих не бросают, а столько
своих только русские могут оставить
в оврагах, ущельях, лощинах,
на мостовых, на обочинах
на тротуарах.*

потому что дома их не лучше,
не теплее, не меньше, не ближе
отсутствия дома.



**Станислав
Львовский**



**Арсений
Ровинский**

* * *

она отвернулась к окну и говорит:
ну чего, чего тебе не хватало?

а он не знает, что ей сказать.
вроде всего хватало.
и все равно ничего не было.

а теперь еще меньше стало.

Чарльз Симик

Проволочные вешалки

Стоит одному
Красному платицу
Покачнуться
В пустом шкафу –

Они тут же
Подталкивая друг дружку
Щелкают как вязальные спицы
Или злые языки.

Перевод с английского Ольги Зондберг

Исполнитель глухих стен

Даже в детстве ты хотел быть невидимкой.
Когда наставало время ужина,
Ты уходил и прятался под кровать,
Пусть они все тебя ищут.

В школе ты любил ластики
Больше карандашей.
Пустые комнаты в полумраке были важней,
Чем походы в кино.

Твоя девушка ждала тебя в парке,
Пока ты сидел у себя на кухне,
Вырезая свои голову и шею
Из старых семейных фотографий,

Придавая себе прежний облик,
Того, кто снежными вечерами
Возвращался домой к родителям,
Волосы и брови сплошь белые.

Перевод с английского Ольги Зондберг

Посвященный

Св. Иоанн Креститель, в темных очках,
Прошел мимо меня на улице.
Св. Тереза Авильская, прекрасная и важная,
Повернулась ко мне спиной.

«Дружище», – шипели они, «сейчас самое время».

Я – маленький слепец, заводная игрушка...
Я – один из красных шариков жонглирующей смерти
На углу некоей улицы,
Где подторговывают всякой всячиной из чемоданов.

Город – как огромный кинозал
С притушенными огнями.
Сеанс уже начался.

Так много невнятных лиц, сюжете запутан.

И главная, ускользающая тайна: кем здесь я...

Спаситель и Дева,
Их широко распахнутые глаза в пустой церкви,
Где прячется убийца...

По свежему снегу на тротуаре – следы,
Наверное – босых ног.
Что за кающийся грешник вел меня.
По правде, я не знал, куда иду,
Ноги замерзли,
В животе бурчало.

Четверо юнцов преградили мне дорогу.

Трое были невозмутимы, один странно улыбался.

Я уступил им свой черный дождевик.

Постоянные размышления о Божественной Любви
и об Абсолюте исковеркали меня.
Люди принимали меня за кого-то другого.
Я слышал за собой голоса, они выкликали чужие имена.
«Ищу кого-нибудь, кому продать душу», –
Прошептал пьянчуга, плетущийся за мной,
Разглядывая меня с головы до ног.

Чарльз Симик

По адресу, который мне дали,
Окна здания были заклеены большими «X».
Я постучался – никто не открывал.
Между тем девчонка-негритянка оказалась рядом на ступеньках.
Она колотила в дверь, пока не отбила кулак.

Ее звали Альма – обнадеживающее знамение.
Она знавала одну, которая распутывала головоломки жизни
Голосом древней Шумерской царицы.
Мы долго об этом говорили,
Ежась и перетаптывая мокрыми ногами.

Необходимо сохранять спокойствие, объяснял я,
Даже когда земля ходит ходуном,
И присматривать за собой,
Как за совершенно чужим субъектом.

Скажем, однажды в Чикаго
В бритвенном зеркальце я поймал взгляд одного парня,
У которого были мои обнаженные плечи, и лицо,
Но чьи глаза ужаснули меня.
Пара глядящих в упор, всезнающих глаз!

Когда мы с ней расстались, ночь, холод и непрерывная ходьба
Вогнали меня в какой-то транс.
Я шел, как будто за мной гнались, пытаюсь согреться.

И была Ист-Ривер, и был Гудзон.
Их воды блестели, как масло в церковных лампадах.

Происходило что-то важное,
Для чего никогда не подберешь слов.

В небе громоздились бегущие облака и высокие здания,
Безмолвно кружащиеся и кружащиеся.

В целом городе можно было услышать и упавшую иголку.
Поверьте.
И вот послышалось, что иголка – упала. И я пошел ее разыскивать.

Перевод с английского Рафаэля Шустеровича

Голуби на рассвете

Предпринимаются незаурядные усилия
Дабы кое-что утаивать от нас, дружок.
Некоторые не спят до утра
В поиске собственных душ.
Иные раздевают друг друга в затемненных помещениях.

Старый скрипучий лифт
Свез нас в студёный подвал –
Продемонстрировать швабру и ведро,
Прежде чем безнадежно вздохнул
И опять соизволил пойти на подъем.

Под огромным предрассветным небом
Город молча простерся перед нами.
Все в ожидании:
Крыши, водонапорные башни,
Облака, струйки белого дыма.

Надо быть терпеливыми, сказали мы себе,
Поджидая, заворкуют ли сейчас голуби
Для той, кто подходит к окну
Покрошить им ангельского пирога,
Почти невидимая – разве что тонкая рука.

Перевод с английского Рафаэля Шустеровича

К читателю

Ты что, не слышишь,
Как я бьюсь
Головой в твою стену?

Слышишь, конечно,
А почему же
Не отвечаешь?

Ударься головой
Со своей стороны стены,
Составь мне компанию.

Перевод с английского Дмитрия Кузьмина

Чарльз Симик

Узнай судьбу свою

Мир исчезает.
Улочка,
Ты была слишком узка,
И уже слишком во тьме.

У тебя имелся лишь один пес
И один ребенок.
Ты скрыла свое самое большое зеркало,
Своих обнаженных любовников.

Кто-то увез их
В кузове грузовика.
Еще голых, верхом
На своем диване

По темнеющей равнине,
В каком-то Канзасе или Небраске,
Под затевающейся грозой.
Женщина открывала над грузовиком

Красный зонтик. Мальчик
И собака бежали за ними,
Как за петушком
С отрубленной головой.

Перевод с английского Рафаэля Шустеровича

Деревенская ярмарка

Хайдену Каррету

Если вы не видели шестиногую собаку,
Это ничего не значит.
Мы видели, она все больше лежала в углу.
Что до лишних ног,
То к ним быстро привыкаешь
И думаешь о другом.
Например: что за мрачный, промозглый вечер
Для прогулок по ярмарке.
Потом хозяин бросил палку,
И собака побежала за ней,
На четырех ногах, лишние болтались сзади,

Чарльз Симик

Так что одна из девиц истерически захохотала.
Она не вязала лыка,
Как и парень, присосавшийся к ее шее.
Собака схватила палку и обернулась на нас.
Вот и все представление.

Перевод с английского Дмитрия Кузьмина

Покидая неизвестный городок

Собачонка с выпирающими ребрами
Так и осталась рядом с мусоровозом:
Взгляд полон надежды,
Хвост сигналил о полном блаженстве,
Но поезд уже набирал скорость,
Оставляя финал открытым:

Сумерки быстро сгущались,
И в пыльных окнах виднелись
Отражения пятерых попутчиков
С надвинутыми на глаза шляпами,
С отсутствующими улыбками,
Наглухо запечатавшими лицо.

Перевод с английского Дмитрия Кузьмина

Февраль

Та, кто затапливает дровяную печь,
поднимается в темноте.

Как железо холодит руку,
Ищущую наощупь отворить дымоход,
Руку, что отпрянет
От ворвавшегося ветра.

Дрова, что больше не пахнут деревом;
А пахнут крысами и мышами –
Спички, вспыхивающие с грохотом
в ледяной тишине.

В свете вспышки ты увидишь ее на корточках;
Исхудающую, с огромными глазами;
Губы ее повторяют окоченевшие заголовки,
исчезающие в огне.

Перевод с английского Станислава Львовского

Чарльз Симик

Зимняя ночь

Церковь – айсберг.

Это ветер. Должно быть, он дует сегодня
из галактических фруктовых садов.
Их коперникианские зернышки, косточки.

Чудовище, созданное безумным Доктором Франкенштейном,
плыло к Новому Миру,
а оказалось в каком-то месте вроде Нью-Гэмпшира.

На самом деле, это просто местный пьяница
Стучит в окно снеговой лопатой,
Хочет войти, согреться.

Айсберг, говорит книга, это огромный
кусок льда, отколовшийся от ледника, плывущий.

Перевод с английского Станислава Львовского

Шепотом

Мой сосед, больничный парикмахер,
Он бреет тех, кого хватил удар,
бреет умирающих.
Бреет сумасшедших, прикованных к койкам,

Старый шаркающий вдовец,
Дома его ждут муравьи,
Банка фасоли, которую он
Ест не разогрев, кофейной ложечкой,

он говорит: куда девались все эти годы,
о Господи, я стоял, наклонившись,
лезвие в руке моей дрогнуло.
первый раз в жизни.

Перевод с английского Станислава Львовского

Чарльз Симик

Альбом

Отец заочно изучал теологию. Материалы
к экзаменам присылали по почте.
Мама вязала. Я сидел над альбомом
с иллюстрациями. За окном темнело.
Мои пальцы, скользившие по лицам
мертвых королей и королев,
превратились в ледышки.

Наверху, в спальне висел,
раскачиваясь под потолком,
черный плащ. Зачем?
Мамины длинные спицы на мгновение
перекрещивались и разлетались снова.
Черные спицы. Казалось, тем же металлом
наливалась моя голова.

Переворачиваясь, страницы шумели как крылья.
«Душа», – однажды сказал он, – «это птица».
В книге у меня давно шло сражение: мечи,
копья громоздились безлистненным лесом
посреди зимы, а сердце мое,
пронзенное, истекало кровью
в его ветвях.

Перевод с английского Станислава Львовского

Мот

Темный утренний дождь,
капли, которым стучать бы
по крыше тюрьмы,
падать на школьный двор.
Но под дождем вместо этого
мокнет моя мама
и ее старый пес.

Как медленно она теперь шаркает
В домашних туфлях отца.
Пес дрожит рядом с ней, и тоже
с трудом держится на ногах.

Я стою на углу
постриженный под ноль.
Мысли скачут как воробьи
под дождем.

Чарльз Симик

Я всегда смотрю на нее и всегда
волнуюсь.

Все это – магический ритуал,
секретное кино:
как она появляется в окне
спустя пару часов,
ставит на стол
пустую миску
и ложку.
А потом выходит из комнаты,
чтобы день мог рассеяться,
чтобы ночь
могла сгуститься

в пустой миске,
в пустой комнате, в пустом доме
Пока дождь стучится
к нам в дверь.

Перевод с английского Станислава Львовского

Бессонница в отеле

Мне нравилась эта нора
с окном, выходившим на кирпичную стену.
За стеной стояло пианино.
Несколько раз в месяц, по вечерам
приходил хромой старик
и играл на нем
«My Blue Heaven».

Но, как правило, там было тихо.
В каждой комнате сидел паук в тяжелом пальто,
пытаясь поймать муху
в паутину из сигаретного дыма и сна.
Было так темно, что я не мог разглядеть
собственного лица в зеркале над раковиной.

В пять утра шлепанье босых ног наверху.
«Цыган» – предсказатель, принимавший
посетителей в офисе за углом,
вышел помочиться после бурной ночи.
И еще однажды, – навзрыд плакал ребенок.
Так близко, на секунду мне показалось,
Что это плачу я сам.

Перевод с английского Станислава Львовского

Чарльз Симик

Пугало

Бога нет, а про дьявола еще неизвестно.

Какие в этом году помидоры!
Вгрызайся в них, Марта,
Как в спелые яблоки.
Главное – не забывай посолить.

Если сок потечет по подбородку
На твои обнаженные груди,
Наклонись над раковиной.

Отсюда видно твоего мужа:
Он стоит как вкопанный посреди сжатого поля
Перед одним из своих самых гнетущих страхов,
Раскинув руки, как пугало.

Перевод с английского Станислава Львовского

Капуста

Она как раз собиралась
Разрубить кочан
Пополам.
Но передумала,
Потому что я сказал ей:
«Капуста символизирует собой мистическую любовь».

Или это сказал один такой Чарльз Фурье.
Он вообще говорил много странных и прекрасных вещей,
Поэтому за глаза его называли
Тронутым.

Потом я поцеловал ее в затылок
Очень нежно.

А потом она разрубила кочан пополам
Одним движением
ножа.

Перевод с английского Станислава Львовского

Против того, что подкрадывается, что бы это ни было

Лениться – лучше всего.
И особенно в четверг.
Отпивая вино, смотреть на свет:
Как он стареет, желтеет,
Подергивается пеплом,
Колелблется и застывает
На пороге ночи
И, может быть,
Первых заморозков.

Хорошо, если в такое время
Рядом женщина.
А еще лучше – две.
Пусть они шепчутся
И, глупо улыбаясь, глядят на тебя .
Пусть закатывают рукава
И расстегивают верхние пуговицы,
Такие прекрасные сумерки
Вполне этого достойны.

И мальчик, школьник,
вернувшийся домой поздно, в комнате почти темно, –
И вот он смотрит, широко раскрыв глаза,
На взрослых, поднимающих за него бокалы,
На рыжую женщину, у которой кружится голова,
Которая крепко зажмурилась, как если бы
Собиралась заплакать или запеть.

Перевод с английского Станислава Львовского

Об авторах

Линор Горалик

Писатель, культуролог, журналист. Родилась в Днепропетровске. Окончила Беэр-Шевский университет по специальности «Computer Science», работала в области высоких технологий. С 2001 года живет и работает в Москве. Автор романов «Нет» (в соавторстве с Сергеем Кузнецовым) и «Половина неба» (в соавторстве со Станиславом Львовским), сборников короткой прозы «Не местные» (М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2003), «Недетская еда» (М.: ОГИ, 2004) (переиздано «Недетская еда: без сладкого» в 2007 г.), «Короче: Очень короткая проза» (М.: Новое литературное обозрение, 2008), сказок «Мартин не плачет» (М.: Новое литературное обозрение, 2007) и «Агата возвращается домой» (М.: Гаятри, Live-Books, 2008), книги комиксов «Заяц Пц и его воображаемые друзья: Щ, Ф, грелка и свинья отбивная с горошком» (М.: Гаятри, 2007). Книга стихов «Подсекай, Петруша» (М.: АРГО-РИСК; Книжное обозрение, 2007). Публикации стихов в журналах «Воздух», «Новый мир», «Рец». Лауреат молодежной премии «Триумф» (2003).

Андрей Поляков

Родился в 1968 году. Окончил филологический факультет Симферопольского государственного университета (сейчас – Таврический национальный университет), работал редактором в издательстве, экспедитором, журналистом, редактировал газету и журналы, преподавал гуманитарные дисциплины. Живёт в Симферополе. Малая премия «Москва – Транзит» (2003). Волошинская премия (2008). Шорт-лист Премии Андрея Белого (2003). Книги: «Epistolae ex Ponto» (Симферополь: Дар, 1995), «Орфографический минимум» (Спб.: Пушкинский фонд, 2001), «Для тех, кто спит» (М.: Новое литературное обозрение, 2003). Стихотворения публиковались в антологиях «Девять измерений», «Самиздат века», «10/30: Стихи тридцатилетних», «Освобожденный Улисс. Современная русская поэзия за пределами России», «Неизвестная Украина», «Время “Ч”»: Стихи о Чечне и не только» и др.

Периодика: «Знамя», «Русская мысль», «Митин журнал», «Новое литературное обозрение», «Критическая масса», «Воздух», «Вавилон», «Черновик», «Авторник», «Новая Юность», «Арион», «Золотой век», «Гуманитарный фонд», «Альманах ЛИА Руслана Элинина», «Textonly», «Новая Камера хранения», «Рец» и др. Стихотворения и поэмы переводились на английский, французский, немецкий, итальянский, болгарский и украинский языки.

Фото: © Дмитрий Кузьмин

Наталья Горбаневская

Окончила филологический факультет Ленинградского университета. Участница самиздатского и правозащитного движения, в частности демонстрации протеста против вторжения в Чехословакию на Красной площади (1968), инициатор и первый редактор правозащитного бюллетеня «Хроника текущих событий». С 1976 года в Париже; много лет работала в редакциях журнала «Континент» и газеты «Русская мысль». Переводчица польской поэзии XX века (отдельно изданы «Поэтический трактат» Чеслава Милоша и сборник избранных переводов «И тогда я влюбилась в чужие стихи...»), с 1999 года член редакции и редколлегии журнала «Новая Польша». Книги стихов: «Побережье» (Анн-Арбор, США: Ардис, 1973), «Три тетради стихотворений» (Бремен: K-Press, 1975), «Перелетая снежную границу» (Париж: YMCA-Press, 1979), «Ангел деревянный» (Анн-Арбор, США: Ардис, 1982),

Об авторах

«Чужие камни» (Нью-Йорк: Руссика, 1983), «Переменная облачность» (Париж: Контакт, 1985), «Где и когда» (Париж: Контакт, 1985), «Цвет вереска» (Тинафлай, США: Эрмитаж, 1993), «Не спи на закате» (СПб.: Лики России, 1996), «Набор» (М.: АРГО-РИСК, 1996), «Кто о чем поет» (М.: АРГО-РИСК, 1997), «13 восьмистиший и еще 67 стихотворений» (М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2000), «Последние стихи того века» (М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2001), «Русско-русский разговор: Избранные стихотворения. + Поэма без поэмы: Новая книга стихов» (М.: ОГИ, 2003), «Чайная роза» (М.: Новое литературное обозрение, 2006). Готовится к выходу новая книга «Круги по воде», из которой взяты публикуемые стихотворения, кроме первого.

Борис Херсонский

Окончил Одесский медицинский институт. Заведует кафедрой клинической психологии Одесского национального университета, автор ряда научных монографий в области психологии и психиатрии. Публикации в журналах «Арион», «Воздух», «Крещатик», «Новый мир», «Октябрь», «Слово\Word», «Новый берег», «Интерпоэзия», «Новое литературное обозрение». Книги стихов – «Восьмая доля» (Одесса: Одесский вестник, 1993), «Книга Хвалений. Переложение Псалмов Давидовых» (Одесса: Богомыслие, 1994), «Вне ограда» (Одесса, 1995), «Поэзия на рубеже двух заветов. Псалмы и оды Соломона» (Одесса: Богомыслие, 1996), «Семейный архив» (Одесса, 1997), «Post Printum» (Одесса, 1998), «Запретный город» (Одесса, 1999), «Там и тогда» (Одесса: Друк, 2000), «Свиток» (Одесса, 2002), «Нарисуй человечка» (Одесса: Печатный дом, 2005), «Глаголы прошедшего времени» (Одесса: Негоциант, 2006), «Семейный архив. Стихи» (М.: Новое литературное обозрение, 2006), «Вне ограда» (М.: Наука, 2008), «Площадка под застройку» (М.: Новое литературное обозрение, 2008). Шорт-лист Премии Андрея Белого (2007). Стипендиат Фонда Бродского (2008).

Мария Ульянова (Улья Нова)

Родилась и живет в Москве. Окончила Литературный институт. Автор книги повестей «Хорошие и плохие мысли» (издательство Литинститута, 2001) и романа «Инка» (издательство «FreeFly», 2004). Рассказы, повести, стихи выходили в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Юность», «Контекст», «Новая Юность», «Полутона», «Пролог», «Литучеба», «Дети Ра», «Футурум-арт», «Крокодил». Член союза писателей Москвы.

Герман Лукомников

Родился в 1962 году в Баку. Сын поэта и художника Геннадия Лукомникова. С 1975 года живет в Москве. Учился в МИРЭА, проходил срочную службу в армии – корректором дивизионной газеты (1980 – 1982). Работал дворником, сторожем, продавцом в книжной лавке «Гилея». Сотрудничал с газетой «Гуманитарный фонд». В 1993 – 94 гг. составил сетевую «Антологию русского палиндрома», а в 2001 году – «Антологию русского палиндрома, комбинаторной и рукописной поэзии» (совместно с С. Фединым; М.: Гелиос АРВ, 2002). До начала 1994 года выступал под псевдонимом «Бонифаций» (произведения той поры по-прежнему, как правило, подписывает так). Книги: под авторством «Бонифаций» – «Въшнія воды» (М.: Издательская квартира Андрея Белашкина, 1993), «Стихи» (СПб.: Красный матрос, 1997), «Птицелов» (Казань, 1997), «мы буковки» (М.: А и Б, 2001; авторство указано как совместное с иллюстратором: «Бонифаций и Ася Флитман»); под авторством «Бонифаций и Герман

Об авторах

Лукомников» – «Стих нашел» (М.: Дом детской книги, 2000); под псевдоавторством «Дмитрий Кузьмин» – «Стихотворения Германа Лукомникова. Осень 2000» (М.: Издательская квартира Андрея Белашкина; А и Б, 2001); под авторством «Японские поэты + Герман Лукомников» – «Бабочки полет, или Хокку плюс» (М. – СПб.: Красный матрос, 2001); под авторством «Герман Лукомников» – «Стихи сезона» (М.: Издательская квартира Андрея Белашкина; А и Б, 2001), «Слова» (М.: Издание Льва Шпринца, 2003). Публикации – в журналах «Знамя», «Огонек», «Новое литературное обозрение», «Соло» и др. Стихи публиковались также в детских журналах «Куча мала», «Фигли-мигли», «Вовочка» и др.

Фото: © Андрей Черкасов

Марина Хаген

Окончила Челябинский университет (прикладная математика), по специальности программист. Книга стихов «Тени отражений» (СПб.: Геликон Плюс, 2001). Публикации в антологии «Нестоличная литература», альманахе русских хайку «Тритон», журналах «Арион», «Урал», «Уральская новь», «Рец», «Новый берег», «Крещатик». Лауреат Всероссийского конкурса хайку (1998).

Фото: © Андрей Черкасов

Павел Гуменюк

Родился в 1976 году в Ленинграде. Окончил СЗАГС в 1998 году. Стихи публиковались в журнале «Воздух».

Данил Файзов

родился в 1978 году в городе Игарка Красноярского края. С 6 лет жил в Вологде, с 20 — в Москве. Окончил Литературный институт (семинар Татьяны Бек и Сергея Чупринина). Книга стихов «Переводные картинки» (М.: АРГО-РИСК, Книжное обозрение, 2007). Стихи публиковались в журналах «Арион», «Знамя», «Рец», «Новый мир», а также в Интернете. В 2004 году совместно с Юрием Цветковым создал Проект «Культурная инициатива», занимающийся организацией литературных программ на различных московских площадках..

Фото: © Дмитрий Беляков

Игорь Белов

Поэт, переводчик. Родился в 1975 году в Ленинграде. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Новый мир», «Воздух», «День и ночь», «Север» и др., переводы современной украинской и белорусской поэзии – в журналах «ШО», «Воздух» и «TextOnly». Лауреат всероссийской литературной премии «Эврика!» (2006), дипломант Волошинского конкурса (2007), стипендиат Министерства культуры РФ (2003) и Шведского института (2007), участник ряда литературных акций в России и за рубежом. Автор книг стихов «Весь этот джаз» (2004) и «Музыка не для толстых» (2008). Живет в Калининграде.

Анна Глазова

Исследователь немецкой литературы, поэт, переводчик. Книги стихов «Пусть и вода» (Москва: Проект ОГИ, 2003; шорт-лист премии Андрея Белого), «Петля невольнику» (Москва: Новое литературное обозрение, 2008; шорт-лист премии Андрея Белого); стихи

Об авторах

публиковались в журналах и альманахах «Вавилон», «Воздух», «Черновик», «Рец», антологиях «Девять измерений», «Освобожденный Улисс», а также в Интернете. Переводы с немецкого: стихи (П. Целан, Э. Яндль, Ф. Майрекер); рассказы и роман «Разбойник» Роберта Вальзера, сборник прозы Уники Цюрн «Темная весна» (книги в издательстве «Колонна»).

Ника Скандиака

Родилась в Москве. Выросла в США. Кроме стихотворений, публиковала в Интернете переводы русской поэзии на английский и англоязычной поэзии на русский. Книга стихов «[12.7.2007]» (Москва: Новое литературное обозрение, 2007; шорт-лист премии Андрея Белого). Стихи публиковались в альманахе «Вавилон», журналах «Новое литературное обозрение», «Воздух», «TextOnly», «Рец», «REFLECT... КУАДУСЕШЦТ», антологиях «Девять измерений» и «Освобожденный Улисс».

Арсений Ровинский

Родился в Харькове. Жил в Москве, учился в Московском государственном педагогическом институте. С 1991 г. в Дании, живет в Копенгагене. Книги стихов «Собирательные образы» (1999), «Extra Dry» (М.: Новое литературное обозрение, 2004), «Все сразу» (М.: Новое издательство, 2008; совместно с Ф. Сваровским и Л. Швабом). Шорт-лист премии Андрея Белого (2005).

Станислав Львовский

Окончил химический факультет МГУ. Занимается менеджментом культурных проектов. Один из основателей Союза молодых литераторов «Вавилон». Переводил с английского американскую поэзию XX века. Книги стихов «Белый шум. Стихи» (М.: АРГО-РИСК, 1996), «Три месяца второго года. Стихи, проза, переводы» (М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2002), «Стихи о родине» (М.: ОГИ, 2004), «Camera rostrum» (М.: Новое литературное обозрение, 2008). Публикации в журналах и альманахах «Вавилон», «Воздух», «TextOnly», «Арион», «Критическая масса», «Новое литературное обозрение» и др. Лауреат IV Фестиваля свободного стиха (Москва, 1993), первый лауреат Малой премии «Московский счет» (2003). Шорт-лист премии Андрея Белого (2005).

Фото (сайт www.litkarta.ru): © Александр Тягны-Рядно

Чарльз Симик (Charles Simic)

Родился в 1938 году в Белграде. В 1954 году эмигрировал в США. Окончил Нью-Йоркский университет. Первая публикация стихов в 1959 году. Автор более двадцати книг стихов, в том числе *That Little Something* (2008), *My Noiseless Entourage* (2005), *Selected Poems: 1963-2003* (2004), *The Voice at 3:00 AM: Selected Late and New Poems* (2003), *Night Picnic* (2001), *The Book of Gods and Devils* (2000), *Jackstraws* (1999), *Walking the Black Cat* (1996), *A Wedding in Hell* (1994), *Hotel Insomnia* (1992), *The World Doesn't End: Prose Poems* (1990), *Selected Poems: 1963-1983* (1990), *Unending Blues* (1986). Автор нескольких книг прозы. Переводчик французской, сербской, хорватской, македонской, словенской поэзии. Редактор ряда антологий, в том числе издания *The Best American Poetry* (1992). Лауреат Пулицеровской

Об авторах

премии в области поэзии (1990), Международной поэтической премии Гриффина (2005), премии Уоллеса Стивенса (2007), поэт-лауреат США (2007), обладатель других наград. Заслуженный профессор в отставке (Emeritus Professor) университета Нью-Гемпшира.

Ольга Зондберг

Родилась в Москве. Закончила химический факультет МГУ. Сборники стихов «Книга признаний» (1997) и «Семь часов одна минута» (2007). Проза – сборник «Зимняя кампания нулевого года» (2001), позднее включенный в книгу «Очень спокойный рассказ» (2003). Публикации в различных сборниках, альманахах и антологиях («Вавилон», «Девять измерений», «Абзац» и др.). Переводы с украинского (стихотворения А. Бондара). В 1999-2001 гг. куратор интернет-сайта «Молодая русская литература».

Рафаэль Шустерович

Родился в 1954 г. По профессии инженер-физик, электроник. Жил в Саратове, с 1993 г. в Израиле. Публикации стихов в журналах «Крещатик», «Иерусалимский журнал», «Волга – XXI век», а также в Интернете. Переводы с английского, испанского.

Дмитрий Кузьмин

Окончил Московский государственный педагогический университет. Кандидат филологических наук. Главный редактор издательства «АРГО-РИСК», основатель Союза молодых литераторов «Вавилон», главный редактор журнала «Воздух», куратор многих литературных проектов. Автор переводов поэзии и прозы с английского, французского и др. Книга стихов «Хорошо быть живым» (М.: Новое литературное обозрение, 2008). Лауреат Премии Андрея Белого (2002) в номинации «За заслуги перед литературой».

В числе источников биографических сведений и фотографий – сайты www.litkarta.ru, www.vavilon.ru, www.polutona.ru, <http://poets.org>, <http://booknik.ru/>